

ТЯЖКИЕ ГОДИНЫ РОССИИ

(Перелом истории, кризис, ценности, перспективы)

Н. И. Лапин

Крах великой империи и обвальная деколонизация ее окраин, патологический по своим механизмам социокультурный кризис российского общества имеют своим глубинным основанием тотальное отчуждение человека на протяжении жизни нескольких поколений. Это одна группа проблем, обсуждаемых в статье. Другая — связана с той социальной перепутицей, на которой оказалось ныне российское общество. Проведенное автором и его коллегами всероссийское исследование "Наши ценности сегодня" показало, с одной стороны, конфликт ценностей, а с другой — наличие у россиян устойчивой гуманистической позиции, предохраняющей Отечество от бессмысленных бунтов, дающей людям силы вынести тяготы перехода к рынку, двигаться по пути социокультурной реформации.

Вновь тяжкие годы выпали на долю России, русского и других образующих ее народов. Но если прежде внутренние смуты сопряжены были с внешними военными нашествиями, то ныне нет видимых силовых влияний извне, что, конечно, не исключает влияний политических и культурных. Российский исторический процесс натолкнулся на некий внутренний барьер, ставший пределом его движения в прежнем направлении. Перед этим пределом поднялась своего рода историческая волна, со спадом которой обрушивается прежний порядок и пока не ясны очертания нового.

5

I. Россия на переломе истории: от колонизации к деколонизации.

"Рушится империя", — говорят одни со страхом и горечью, другие с радостью и надеждой, третьи в растерянности. Да, более тысячи лет история России была историей колонизации, обживания и собирания обширных территорий славянами, преимущественно русскими. Последние, впрочем, не вытесняли и не уничтожали прежнее население этих территорий, как нередко происходило в мировой истории, а взаимодействовали с ним, образуя многоэтничный симбиоз, из которого росла своеобразная цивилизация, связующая Запад с Востоком. В. О. Ключевский в "Курсе русской истории" выделил четыре периода такой колонизации, обозначив их по областям территории, в которых сосредоточивалась в разные времена главная масса русского народонаселения:

- 1) Русь Днепровская, городова, торговая (с VIII до XIII в.);
- 2) Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая (с XIII до середины XV в.);

3) Русь Великая (включая Донскую и Средневожскую), Московская, царско-боярская, военно-земледельческая — период великорусский (с половины XV до начала XVII в.);

4) период всероссийский (вся Восточно-Европейская равнина и далеко от нее на юг и восток — за Кавказ, Каспий и Урал, до Тихого океана), императорско-дворянский, крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского (с начала XVII до половины XIX в.).

За такую периодизацию В. О. Ключевского упрекали в эклектизме, но вернее было бы адресовать этот упрек самой истории России. А ее историк, по сути дела, оставил место для еще одного, пятого по счету, но не названного им по содержанию периода: с половины XIX до ... (?) К пониманию смысла этого периода историк шел от факта ненормального соотношения между величию достигнутого Россией международного положения и слабым внутренним ее ростом, низким уровнем духовных и материальных средств, которыми обладал ее народ. Из этого несоответствия следовало, что русскому и другим народам России предстоит теперь "напряженно работать над самими собой, развивать свои умственные и нравственные силы, с особенной заботливостью устанавливать свои общественные отношения" (1). Сегодня мы бы добавили — предстоит сформировать гражданское общество. Движение в этом направлении началось с отмены в 1861 г. крепостного права и провозглашения в 1864 г. земской реформы. Трудно, преодолевая сопротивление реакционных помещиков и чиновников, возникало общество свободных граждан, несущих одинаковые по закону государственные и общественные повинности. Пошел в рост отечественный и иностранный капитал — торговый, промышленный, финансовый. Заблестали российские судьи и адвокаты, цивилизованное правосознание запало в душу народа. Набирала практический опыт и влияние в общественном сознании экономическая и социальная наука, общечеловеческую соборность обосновывала русская философия. Блистательных высот достигли русская литература и искусство. Так длилось полвека.

Начало XX в. открыло новый этап в борьбе империй за передел мира. Российский император Николай II и его правительство оказались не на высоте основного требования того периода российской истории, который начался с 1861 г.: отказываясь от внешней агрессии, сосредоточить внимание на прогрессе внутренней жизни страны. Сначала Россия втянулась в войну с Японией и проиграла ее. Затем наступила первая мировая война, в ходе которой рухнула сама династия Романовых.

Неокрепшие внутренние силы стали предпосылкой внешних поражений. А эти поражения, наложившись на внутренние слабости, сделали Россию самым уязвимым звеном в империалистической цепи, которое и лопнуло в октябре 1917 г. Приход к власти большевиков означал разрыв с основными историческими традициями России и впервые после татаро-монгольского нашествия поставил ее перед крахом.

Если война с Японией положила предел процессу российской колонизации на востоке, то война с Германией послужила началом противоположного процесса — деколонизации части российских территорий, идущей с

запада. Октябрьская революция сделала этот процесс историческим фактом: сначала от России на законном основании отпали Финляндия, Польша и прибалтийские территории, а затем, в ходе гражданской войны, стало распадаться обширное всероссийское пространство (отделялись азиатские и кавказские территории, даже исторически более укорененные пространства России — Украина, Сибирь, Дальний Восток). Возник исторический прецедент сужения границ Советской России до Великороссии и даже до Верхневолжской Руси. Ценой невероятного истощения внутренних сил народа Советская власть в итоге гражданской войны почти полностью восстановила бывшее всероссийское пространство (за исключением законно отпавших территорий). Этот процесс получил продолжение перед второй мировой войной и по ее итогам: в состав СССР были включены западные части Украины и Белоруссии, балтийские республики, южная часть Сахалина и северные Курильские острова.

Казалось бы, процесс реколонизации пошел успешно. Однако с середины 80-х годов XX в. Советский Союз — одна из двух сверхдержав мира — оказался в состоянии всеобщего кризиса. В 1991 г. кризис завершился социально-политической катастрофой мирового значения — СССР не стало. На его руинах возникли 15 суверенных государств, и Российская Федерация — лишь одно из них. Правда, и в новом качестве она остается самым большим государственным образованием, по периферии которого располагаются остальные 14. Но налицо обвальный процесс деколонизации значительной части всероссийских территорий. Этот процесс проникает и внутрь Великороссии, угрожая дальнейшим ее разложением на "суверенные национальные территории". Ныне Российская Федерация, как историческая преемница России всех периодов ее бытия, обретает новую возможность сосредоточить силы на развитии внутренних способностей русского и других образующих ее народов. Она пытается вырваться из пут прошлого, чтобы обустроить иное будущее. Но у субъектов нынешних общественных изменений нет четкого понимания сути ее недавнего прошлого и настоящего. Это мешает им верно определить свои задачи на ближайшее будущее. В данной статье автор стремится сделать шаг к такому пониманию. Шаг, почвой для которого служат как теоретические размышления, так и выверенные эмпирические данные, в том числе полученные нами в ходе всероссийского исследования "Наши ценности сегодня".

II. Что внутри социального "черного ящика"?

Думаю, у всех россиян сейчас больше вопросов о сути происходящего в нынешней России, чем ответов на них. На какого рода внутренний барьер натолкнулся российский исторический процесс, обернувшийся обвальной деколонизацией и почти мгновенным самороспуском одной из величайших мировых держав — СССР? Каковы основания переживаемого страной универсального кризиса? В чем смысл того, что подавляющее большинство

российского населения оказалось отброшено на грань нищеты, и многие уже за этой гранью?

Ответы на эти и подобные вопросы не лежат на поверхности наблюдаемых кризисных событий и процессов. Сформировавшаяся в стране после 1917 г. общественная система была достаточно сложна, выполняла различные функции и имела многоуровневую структуру. На определенных ее уровнях произошли вытеснения, замещения одних элементов другими, подчас противоположными по значению. Эти уровни "являются" наблюдателю в превращенной форме. Но это не просто форма, а особого рода детерминизмы — "превращенности действия" (2).

За три четверти века сформировалось так много подобных превращений, что советское общество в целом стало напоминать своего рода черный ящик, содержание которого почти не поддается наблюдению ни извне, ни изнутри. Одна из исторических заслуг перестройки в том и состоит, что она много потрудились над "просветлением" социального черного ящика, создала предпосылки, позволяющие критически рассмотреть эту превращенную действительность.

8 Как показывают проведенные за последние годы историко-культурные и социологические исследования, глубинное основание совокупности социальных превращений и скрывавшейся за ними неизбежности кризисного потрясения нашего общества составляло тотальное отчуждение человека. Оно возникло в 20-е годы, достигло зрелости уже в 30-е годы, а затем продолжало модифицироваться, все глубже проникая во все поры жизни общества и индивидов. Это криминальная история, заслуживающая детективного расследования. Автор уже имел возможность подробно охарактеризовать ее (3). А в кратком изложении она может быть сведена к семи слоям отчуждения, последовательно возникавшим, наслаивавшимся один на другой и в итоге замкнувшимся в тотальный комплекс.

Исходным стало отстранение большинства населения от участия в управлении, от власти. Это превращение демократии в свою противоположность стало возможным благодаря доминированию государственной собственности, оказавшейся на деле в руках партийно-советско-хозяйственной номенклатуры как корпоративно организованной социальной группы. Сانونное ядро советской бюрократии камуфлировалось разбуханием бюрократии традиционного, чиновничьего типа, против которой время от времени направлялся огонь официальной "критики" и "народной сатиры".

Затем номенклатура осуществила отделение работающих за зарплату от большей части результатов их труда. Доля национального дохода, изымаемого из потребления и направляемого на нужды военно-промышленного комплекса и на накопление, за несколько лет увеличилась с 10% до 30—50%, а доля заработной платы в создаваемом трудящимися доходе упала с 65% до 40%, а затем и до 20—25%. Вслед за этим произошло свертывание нэпа и тотальное раскрестьянивание, означавшие ликвидацию всех хозяйственно независимых слоев населения, отчуждение всех трудящихся от самоорганизации своего труда.

На основе трех охарактеризованных слоев отчуждения человека (от власти, от самоорганизации труда и от его результатов) сложилось самое фундаментальное превращение — отчуждение структуры производства от потребностей населения. Промышленность была организована в режиме расширенного самовоспроизводства, а выпуск товаров группы "Б" (и оборудования для их производства) осуществлялся по остаточному принципу. Постепенное обнищание населения было детерминировано структурой самого производственного потенциала страны, методично пожиравшего громадные ее природные и трудовые ресурсы.

Все четыре слоя отчуждения рефлексировались в пятом — массовом распространении превращенных форм общественного и индивидуального сознания, вызывавших политическую экзальтацию населения в условиях тоталитаризма, когда нормальным был бы не восторг, а протест. Препрежнее, естественно сложившееся историческое самосознание народов СССР было замещено фетишистскими его формами, фокус которых составляли обожествление вождя и персонификация врага. В сознании каждого человека укоренялся "внутренний цензор", следивший за тем, чтобы человек говорил, писал и даже думал только то и так, что и как дозволено официальной идеологией.

Шестой, самый мрачный слой отчуждения означал тотальную утрату гражданами личной безопасности. Никто из сановной элиты не мог поручиться за свой завтрашний день — ни всесоюзный староста Калинин, ни второй человек в стране Молотов, ни главный каратель Берия, ни сам генералиссимус Сталин. Это тем более распространялось на миллионы простых людей, которые, тем не менее, были убеждены, что живут в самой свободной стране и в самом справедливом обществе. На деле же их судьбы зависели от доносов сверху и снизу, продиктованных как идейными, так и корыстными мотивами. Правоохранительные органы превратились в свою противоположность — в машину тотального уничтожения народа, работающую с маниакальной ритмичностью, не щадя и "обслуживающий" ее персонал.

Стоило этой машине замедлить ритм и сузить масштабы своих действий (с XX съезда КПСС 1956 г.), как начался процесс самоорганизации гражданского общества: возникли независимые от официальных органов производственные ячейки, которые стали организовываться в самостоятельную сеть. Но это противоречило действующему законодательству и приобрело характер "теневой экономики", агенты которой неизбежно вступили в альянс с поддержавшими их группами из партийно-хозяйственной номенклатуры. В обществе сформировался седьмой, мафиозно-коррупцированный слой отчуждения: самоотчуждение возрастающей части общественного труда от законных структур хозяйственной деятельности или, что то же самое — самоотчуждение этих структур от реальных экономических процессов.

Так или иначе, последний круг отчуждения сомкнулся с первым (отчуждением от власти). Более того, все семь его кругов, или слоев, каждый из которых обладал двойной и тройной надежностью, переплелись друг с другом и образовали небывалую в истории ловушку, в которую попало наше общество. В итоге, произошло самоотчуждение общества от развития.

Постепенно зрел, а затем разразился общий, социокультурный кризис советского общества.

III. Социокультурный кризис.

Кризис — одно из состояний живого организма. Еще в Древней Греции под кризисом понималось завершение или перелом в ходе некоторого процесса, имеющего характер борьбы. В самом общем виде кризис есть нарушение прежнего равновесия и в то же время переход к новому равновесию (4).

В социологии принято различать стабильное и кризисное состояния общества. Первое означает устойчиво воспроизводящийся порядок. Второе служит способом движения социальной системы от прежнего состояния, через дезинтеграцию и конфликт, к новому состоянию. В ходе своей эволюции любое общество неоднократно проходит динамический цикл "стабильность — кризис — новая стабильность".

Кризисы бывают частичные и общие. Среди общих наиболее универсальный характер имеет социокультурный кризис, объемлющий как совокупность социальных отношений, так и культуру, равно как и их взаимодействие.

Социокультурный кризис свидетельствует об исчерпании возможностей саморазвития общества в данном его качестве. Именно такой кризис поразило советское общество. Первый, инкубационный этап этого кризиса начался в середине 50-х годов, проявляясь в серии политических кризисов верхушечного характера и идеологической "оттепели".

С середины 60-х годов кризис вступил во второй этап, когда началась стагнация официальной экономики, а деловая активность все больше перемещалась в "теневую сферу". С середины 80-х годов, на своем третьем этапе, кризис приобрел всеохватывающий и очевидный характер. Он пронизал все сферы социальной и культурной жизни общества.

В области социальных отношений это был кризис советского общества как раннесоциалистического (5). Он проник в такие его сферы:

- политическую, где произошли потеря управляемости на всех уровнях и во всех звеньях функционирования государства, острые политические конфликты, вплоть до вооруженных столкновений на международном почве;
- экономическую, где развился тотальный дефицит товаров и услуг, гиперинфляция, огромный внутренний и внешний долг государства;
- структурно-производственную, где обнажился дефицит природных и трудовых ресурсов великой страны, обусловленный ресурсопоглощающей, "самоедской" структурой милитаризованного производства;
- собственно социальную, где произошла стремительная дезинтеграция социальных групп и институтов, утрата идентификации личности с прежними структурами, ценностями, нормами.

В области культуры кризис охватил такие сферы:

- духовно-нравственную, где рухнула монолитная структура официальных ценностей, а на поверхности разлились неприязненные взаимоотношения между индивидами;

— трудовую, где мотивы содержательного труда уступили ведущее место мотиву низкой интенсивности труда, трудовая пассивность стала принципиальной позицией большинства, а инновационная деятельность на производстве лишилась престижа и поддержки;

— этническую, где подрыв условий развития национальной самобытности многих этносов, особенно малочисленных, привел к угрозе самому их существованию, особенно вследствие хищнической политики ведомств;

— экологическую, где угроза уничтожения биологических условий жизни нависла над большим и все увеличивающимся пространством, а нормальное экологическое пространство сжимается, как шагреновая кожа.

Два кризиса — социальный и культурный — сложились в одном обществе и действуют в нем одновременно. Точнее, они взаимодействуют, но весьма специфически, воплощая своеобразие российского общества как социокультурной реальности. В этой связи необходимо привлечь внимание еще к одной типологической характеристике кризисов общества. По характеру внутренней динамики их можно разделить на два противоположных типа: саморазрешаемые — их большинство, они вписываются в естественную логику саморазвития общества и потому могут быть названы нормальными; патовые или тупиковые, заключающие в себе порок заколдованного круга и потому выступающие по отношению к естественному саморазвитию как патологические. Особый случай представляет собой патологический социокультурный кризис.

Общество, переживающее патологический социокультурный кризис, есть кризисный социум. Это специфическое, редко встречающееся в истории состояние общества, характеризующееся уникальным сочетанием параметров социального и культурного развития. Именно такое состояние и сложилось в советском обществе на основе тотального отчуждения человека, наложившегося на многовековой раскол российской культуры. Это состояние можно охарактеризовать как застойное противоречие между культурой и социальными отношениями, породившее распад связей, интегрирующих общество, разложение культурного основания общественного воспроизводства при одновременном блокировании механизмов его саморазвития.

Патологический кризис СССР означал не только общий кризис раннего социализма как исторически конкретного типа социальных отношений, достигшего завершающей стадии своего развития, но и кризис в эволюции российской культуры. Если принять, что данная культура характеризуется расколом, интенсивная логика которого обуславливает заколдованный круг вариантов предкатастрофического состояния (6), то понятно, что именно эта логика возводит непреодолимые препятствия на пути саморазрешения социального кризиса. Она гонит общество из одной кризисной ситуации в другую, направляя его, в конечном счете, к катастрофе.

В самом деле, сам по себе общий кризис раннего социализма, завершивший эволюцию этого типа социальности, одновременно открывал несколько возможностей дальнейшего развития социальных отношений в стране:

1) через регулируемые государством рыночные отношения к гуманному социализму;

- 2) через шоковое самоутверждение рыночных отношений к капитализму;
- 3) через сочетание шоковых и регулируемых методов становления рыночных отношений к смешанной (многоукладной, многосекторной) экономике.

Первая возможность сочеталась преимущественно с демократизацией общественной жизни; вторая и третья возможности предполагают глубокую социокультурную реформу всего общества.

С середины 80-х годов, в течение нескольких перестроечных лет, основные социально-политические силы страны стремились к тому, чтобы реализовать первую возможность. Перестройка представляла собой попытку вывести страну из социального кризиса, преодолеть тотальное отчуждение человека, не меняя радикально отношений собственности, типа общества. Начав с позднейших исторических пластов отчуждения, она стала вскрывать и снимать следующие, более глубокие его пласты, освобождать массовое сознание и социальное бытие от отчужденно-превращенных их форм.

Новые законы, либерализовавшие хозяйственную инициативу, позволили легализовать многие области теневой экономики. Началось утверждение правового государства, защищающего права человека. Утвердилась гласность, восстановлены ключевые звенья исторической правды, хотя до полной правды еще далеко. Иными словами, неплохо перепаханы седьмой, шестой и пятый слои отчуждения.

Но перестройка забуксовала, а затем и вовсе заглохла перед четвертым, самым фундаментальным пластом — отчуждением производства от потребностей населения. Лишь начальные шаги были сделаны в зонах третьего, второго и первого слоев отчуждения (раскрестьянивание, право наемных работников на цивилизованную долю дохода, преодоление самовластия номенклатуры).

Это означает, что движение по первому, социально наиболее простому пути преодоления кризиса остановилось менее чем на полпути. Произошло это в соответствии с механизмом инверсионной логики раскола: активизация демократических сил возбудила противодействие правоцентристского блока, что и парализовало движение.

В конце 80-х годов произошли изменения в структуре демократических сил страны. Усилилась их ориентация на осуществление второй и третьей из приведенных выше возможностей: через то или иное утверждение рыночных отношений к капитализму или смешанной экономике. Были разработаны и на достаточно высоком государственном уровне одобрены несколько программ соответствующего перехода. Но еще более активизировали противодействие правые силы, овладевшие центром. Вновь возникла патовая ситуация: ни одна из программ не стала руководством к действию. Патологический кризис продолжался.

Этот объективный факт оставался не измерен эмпирически и не осмыслен теоретически. Возникла настоятельная потребность определить: стадии развертывания кризиса; конкретные его социальные и духовные параметры; механизмы, на основе которых формируются возможные варианты его разрешения. Иными словами — потребность в комплексе исследований

совершающегося на наших глазах кризиса: исследований экономических, социологических, политологических, социально-психологических, исторических и иных.

Научный совет АН СССР по проблемам развития советского общества на современном этапе предпринял в 1989—1990 гг. социологическое исследование кризиса, первоначально получившее название "Ценности социальных групп и перестройка", а впоследствии ставшее известным по названию опросного листа — "Наши ценности сегодня". Исследование было активно поддержано возникшим в сентябре 1989 г. Российским обществом социологов (РОС), которое приняло тему данного исследования в качестве ключевой для деятельности РОС в 1990 г. При проведении исследования удалось объединить усилия социальных философов (Институт философии АН СССР), социологов-теоретиков и специалистов в области методики и техники социологических исследований, включая технику обработки данных на ЭВМ (Институт социологии АН СССР), специалистов по проведению полевых исследований (социологический факультет МГУ).

Здесь и далее в основном тексте статьи используются содержательные результаты проведенного исследования, а специальные аспекты его методологии и анализа эмпирических данных даются в Приложении. Примем во внимание, что полевая часть исследования (интервью с респондентами) проводилась в середине 1990 г., т.е. эмпирические данные относятся именно к этому моменту динамики кризиса. Получены два массива данных: основной — с помощью репрезентативной для РСФСР выборки, включая жителей глухих деревень (973 чел.), и так называемые "горячие точки" — три региона с повышенной социальной напряженностью (массовые забастовки, митинги) (445 чел.).

Несколько штрихов к социальному портрету опрошенных: 20% непосредственно сталкивались с репрессиями (были репрессированы они сами или их родственники), у 46% среди родственников есть убитые и раненые в различных войнах за годы советской власти, 72% считают себя не религиозными людьми; 83% получали зарплату ниже 300 руб. в месяц, т.е. ниже уровня, необходимого для обеспечения современного стандарта жизни (в ценах 1990 г.), от 300 до 500 руб. зарабатывали 11%, а свыше 500 руб. — всего 2%. Большинство считают, что государство отбирает до 90% создаваемого ими дохода.

По результатам исследования, происходящий кризис подрывает сами основы жизни человека. Жизнью в целом не удовлетворены 55% опрошенных. Еще выше неудовлетворенность конкретными условиями жизни: доступностью товаров — 85% (около 44% населения приобретали многие продукты и товары на черном рынке, по знакомству, из-под прилавка и другими способами, переплачивая при этом немалые деньги), качеством медицинского обслуживания — 66%. В "горячих точках" России по большинству проблем неудовлетворенность выше на 5—15%.

Распространены одиночество и ощущения незащищенности. Среди опрошенных 6% живут в одиночку. В том населенном пункте, где респонденты проживают, у 17% из них нет друзей, у 22% — нет родс-

твенников. Наименее защищенными люди ощущают себя от преступных групп (61%) и от экономической угрозы (75%). От четверти до трети населения испытывают незащищенность в большинстве сфер жизни: на территории проживания (40%), в сфере труда (28%), от бедности и обездоленности (31%), одиночества и заброшенности (27%), от ощущения, что жизнь зашла в тупик (28%). И, несмотря на достижения перестройки в области гласности и прав человека, сохраняется значительная незащищенность от преследований за политические убеждения (18%) и по национальному признаку (13%). В "горячих точках" незащищенность почти по всем позициям — выше!

Понятно отсюда убеждение многих, что решение их жизненных проблем почти не зависит от них самих: так думают до 80% респондентов. Меньше всего заботы они ожидают от местных властей: 67% респондентов (в "горячих точках" 72%) никогда не обращались в местные органы власти или к влиятельным лицам за решением возникавших вопросов, хотя надобность в этом была, и 80% не участвовали в работе общественных групп, образуемых для решения тех или иных проблем. Почему так? Да потому, что "мы не можем влиять на деятельность властей" (63%), а "властям все равно, что будет с нами" (52%).

14 Отчуждение от власти выражается и в недоверии важнейшим ее институтам: КПСС, правительству СССР, милиции и судам, профсоюзам и комсомолу (от 50 до 63%, в "горячих точках" на 5% выше). Центр этого недоверия составляло монопольное положение КПСС в структуре власти: против такой монополии высказались 54% респондентов, а в "горячих точках" — около 65%. В этой монополии большинство населения видит причину существования "номенклатуры", неподотчетной низам, что, по мнению 45%, приносит больше вреда, чем пользы (лишь 5% видят в этом больше пользы).

Относительным доверием населения пользовались в 1990 г. два общественных института: церковь (58%) и вооруженные силы (53%). Однако в "горячих точках" доверие к церкви было ниже на 5%, а к армии — почти на треть (37%). Своеобразным символом политического доверия населения России уже тогда стало отношение к Б. Н. Ельцину: 73% респондентов определенно доверяли ему как политическому лидеру. Но в "горячих точках" это доверие немного ниже (70%). Это свидетельствует о своего рода максимуме доверия, полученного им тогда благодаря четким позициям-обещаниям. Судьба этого кредита доверия зависит от того, в какой мере за обещаниями следуют дела, практические решения политических и экономических задач, жизненно значимых для большинства граждан России.

Эти констатации вплотную подвели нас к характеристике кризиса как динамического процесса. В его динамике выделяют три основные стадии:

- 1) дестабилизация социального порядка;
- 2) острый конфликт;
- 3) разрешение кризиса.

Обычно имеется несколько вариантов его разрешения, и катастрофа — лишь один из таких вариантов.

В исследовании зафиксирована высокая степень осознания кризисности состояния экономики и всего общества (61% респондентов), а также кризиса самой перестройки (34%). В середине 1990 г. респонденты основного массива выборки повсеместно отметили такие индикаторы первой, дестабилизационной стадии кризиса, как метания органов власти из крайности в крайность. Но одновременно — и нарастание конфликтов, что соответствовало наблюдаемому увеличению числа массовых забастовок, митингов в различных регионах страны. Эти и другие данные позволили заключить, что в 1990 г. кризис перерастал из первой стадии во вторую — остроконфликтную. Те 5—15%, на которые постоянно отличается ситуация в "горячих точках" от основного массива, составляют как бы "точку кипения", где социальная ситуация превращается из одного состояния в другое.

Еще лишь предстоявшую тогда третью, разрешающую стадию кризиса мы представили как перекресток двух осей: I. социально-политической — "куда" (вперед, к новому, демократическому социальному порядку или назад, к тоталитаризму) и II. нормативно-правовой — "как", какими способами (любыми или только в рамках закона, правовых норм) может происходить дальнейшее движение общества. Возникшая социальная перепутица (7) представлена на рис. 1:

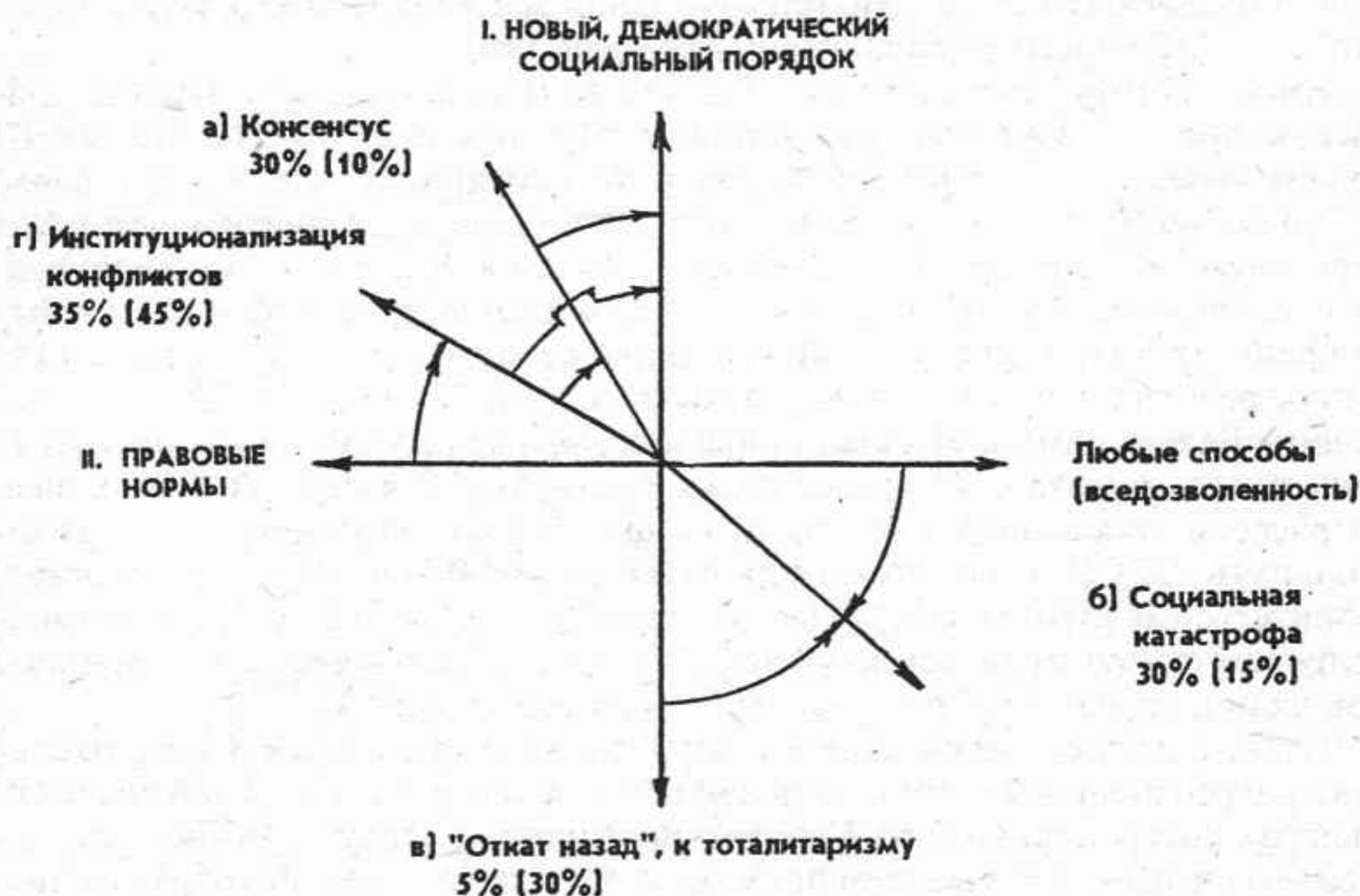

Рис. 1. Социальная перепутица

В качестве наиболее вероятных вариантов разрешения кризиса мы еще в 1990 г. представили следующие четыре:

а) на основе правовых норм непосредственно достигается консенсус политических сил ради установления нового, демократического социального порядка;

б) в условиях вседозволенности конфликты становятся неуправляемыми и перерастают в социальную катастрофу;

в) по проторенным ранее, прежде всего незаконным путям осуществляется "откат назад", к тоталитарным социальным порядкам, которые в итоге тоже оказываются дорогой к социальной катастрофе;

г) конфликты вводятся в правовые рамки (институционализируются), затем на этой основе идет движение к новому, демократическому социальному порядку — непосредственно и через достижение консенсуса политических сил.

На рис. 1 цифры без скобок — оценка вероятности каждого варианта развития, которую дали российские респонденты летом 1990 г. Цифры в скобках — наша оценка, сделанная осенью 1990 г. (8). Как видно, эти оценки не совпадают. Исследователь вообще не может не относиться критически к получаемым им эмпирическим данным. В рассматриваемом случае наибольшее различие — в оценке возможности "отката назад" (вариант "в"): население России не исключало возврата к авторитарным формам правления, но не ощущало реальной его опасности. Антитоталитарный иммунитет в обществе пока не возник — это как раз и повышало вероятность варианта "в". Но максимальной все же оставалась вероятность варианта "г" (институционализация конфликтов).

Антиконституционный путч в августе 1991 г. означал вступление кризиса в третью, завершающую стадию. Программа самозванного ГКЧП ориентировала на возврат общества к тоталитаризму, т.е. представляла собою попытку решить кризис в соответствии с охарактеризованным выше вариантом "в". Объявление чрезвычайного положения в Москве, Ленинграде и некоторых других "местностях" угрожало перерастанием локальных конфликтов в гражданскую войну. Однако сопротивление путчистам, оказанное революционно-демократическими силами России, в особенности при защите Белого дома в Москве, привело к поражению путчистов на третий день после захвата ими высшей государственной власти. Тем не менее, потрясение, вызванное путчем, оказалось достаточным для того, чтобы столкнуть СССР к политической катастрофе. Лавинообразно нарастая, дезинтеграция страны завершилась в декабре 1991 г.: 15 бывших союзных республик самоутвердились на месте СССР в качестве суверенных государств. Как видим, вариант "в" оказался прямой дорогой к варианту "б".

Итак, патологический социокультурный кризис вошел в заключительную, разрешающую стадию, но ценой катастрофы той социальной системы, в недрах которой он возник. Конституировавшие себя суверенные государства — качественно иные, чем прежние советские республики, образования. Качественно иными будут и их взаимоотношения — не внутрисоюзными, а межгосударственными (двусторонние договоры, многостороннее Содружество и др.).

IV. Конфликтующие ценности и повседневный гуманизм в современной России

Революция снизу, в которой захлебнулся путч, может стать началом новой эпохи для каждого народа, входившего в СССР. Народы России, возрождающей свою государственную независимость, теперь сами могут определять дальнейшее свое развитие. Но между возможностью и действительностью — дистанция огромного размера. Высока вероятность того, что действительно станут очередные социальные превращения, а не действия граждан ради собственных интересов. Поэтому глубинный выбор, перед которым находится Россия, отнюдь не является только политическим или только экономическим. Этот выбор имеет универсальный, социокультурный, общецивилизационный смысл: принимает ли Россия в качестве главного, определяющего — человеческое измерение своего развития или же она по-прежнему будет подчинять это измерение иным, безлично-институциональным параметрам?

То, каким окажется данный выбор на нынешнем этапе истории, зависит от многих факторов. Один из важнейших — структура ценностей населения, меняющаяся в условиях социокультурного кризиса российского общества. Ценности — это фундаментальные нормы, позволяющие человеку осуществить выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях и составляющие одно из оснований целостности социальных систем. Система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов тех или иных социальных общностей, которая, в свою очередь, оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступает одним из важнейших стимулов социального действия, поведения индивидов (9). Освобождаясь от власти низших ценностей, выбирая высшие ценности и борясь за их осуществление, индивид реализует свою свободу как личности (10). Чем универсальнее ценность, тем выше интегрирующая функция стимулируемых ею массовых действий, а обособляющая, патрикуляристская ценность вызывает углубление социальной дифференциации в обществе.

17

Таким образом, каждая ценность имеет двуединое эмпирическое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе. Соответственно, набор изучаемых ценностей мы формировали по обоим основаниям: с одной стороны, совокупность ценностных суждений должна представить основные жизненные потребности индивидов — смысло-жизненные, витальные, интеракционистские, социализационные; с другой стороны, она же должна выразить фундаментальное для общества, тем более — в условиях кризиса, деление ценностей на интегрирующие и дифференцирующие. В итоге были сформулированы 22 альтернативные пары (в каждой паре — одна интегрирующая и одна дифференцирующая ценность, причем обе сформулированы в позитивной форме), представляющие 4 группы потребностей индивидов (подробнее см. Приложение, табл. 3).

О чем говорят результаты исследований этой совокупности ценностей?

В условиях кризиса, тем более такого жестокого, как нынешний, так и "прет в глаза" конфликтность повседневного поведения и стоящих за ним мотивов и

ценностей. Да, говорят 63% респондентов, кризис проявляется в утрате общих целей, росте пессимизма, озлобленности и других негативных настроений. Заложенный в исследовании альтернативный характер ценностей (интегрирующие — дифференцирующие) позволял каждой из 22-х пар ценностных суждений предстать как выражение реально конфликтующих ценностных позиций. В действительности далеко не за всеми из них обнаружилась общественно значимая конфликтность, но в ряде случаев она просматривается достаточно отчетливо. В первую очередь это относится к интеракционистским ценностям.

18 Что важнее: равенство возможностей для проявления способностей каждого индивида или равенство положения, доходов, условий жизни индивидов? Это традиционная, можно сказать, вечная дилемма, за которой во всех странах тянутся острые практические и политические баталии. Бытует представление, будто россияне испокон веков привержены уравниловке. Исследование показало: действительно, около 15% респондентов высказываются в пользу равенства положения, доходов, но противоположной позиции придерживаются 37%, а свыше 32% заняли колеблющуюся, промежуточную позицию. Ценностный конфликт налицо: коэффициент корреляции Q между составляющими альтернативы высок (0,85), число неразличивших ее смысл невелико, а противостоящие массы значительны (15% и 37%). Соотношение этих масс опровергает распространенные представления: ныне россияне больше склонны не к люмпенской уравниловке в потреблении, а к либеральному равенству возможностей для проявления разных способностей индивидов. Впрочем, и это предпочтение не является доминирующим — слишком велик колеблющийся слой, он-то и держит процесс либерализации российского общества, обволакивая суть дела многословной неопределенностью.

В этой связи любопытен другой ценностный конфликт — по поводу альтернативы "быть готовым к равноправному диалогу с теми, кто придерживается иных политических взглядов, ориентаций" или "бороться до победы над политическими оппонентами, соперниками"? В пользу диалога высказались 62% респондентов, на победе настаивают около 23%; колеблются, соответственно, 22% и 34%. Конфликт здесь еще более реален, чем в предыдущем случае, а главное, он принял более определенный характер: уже сформировалась доминирующая позиция в пользу диалога, хотя колеблющийся слой еще достаточно велик. Это важно не только для понимания ситуации данного конфликта, а и для прогнозирования характера решения других конфликтов. Установка на диалог как ценность предохраняет общество от спонтанных взрывов, способствует рационализации процессов решения конфликтов. Но нельзя не считаться с тем, что около четверти населения предпочитают добиваться победы и без диалога, по сути дела, любой ценой, и еще столько же людей колеблются и, видимо, будут определять свою позицию в зависимости от ситуации.

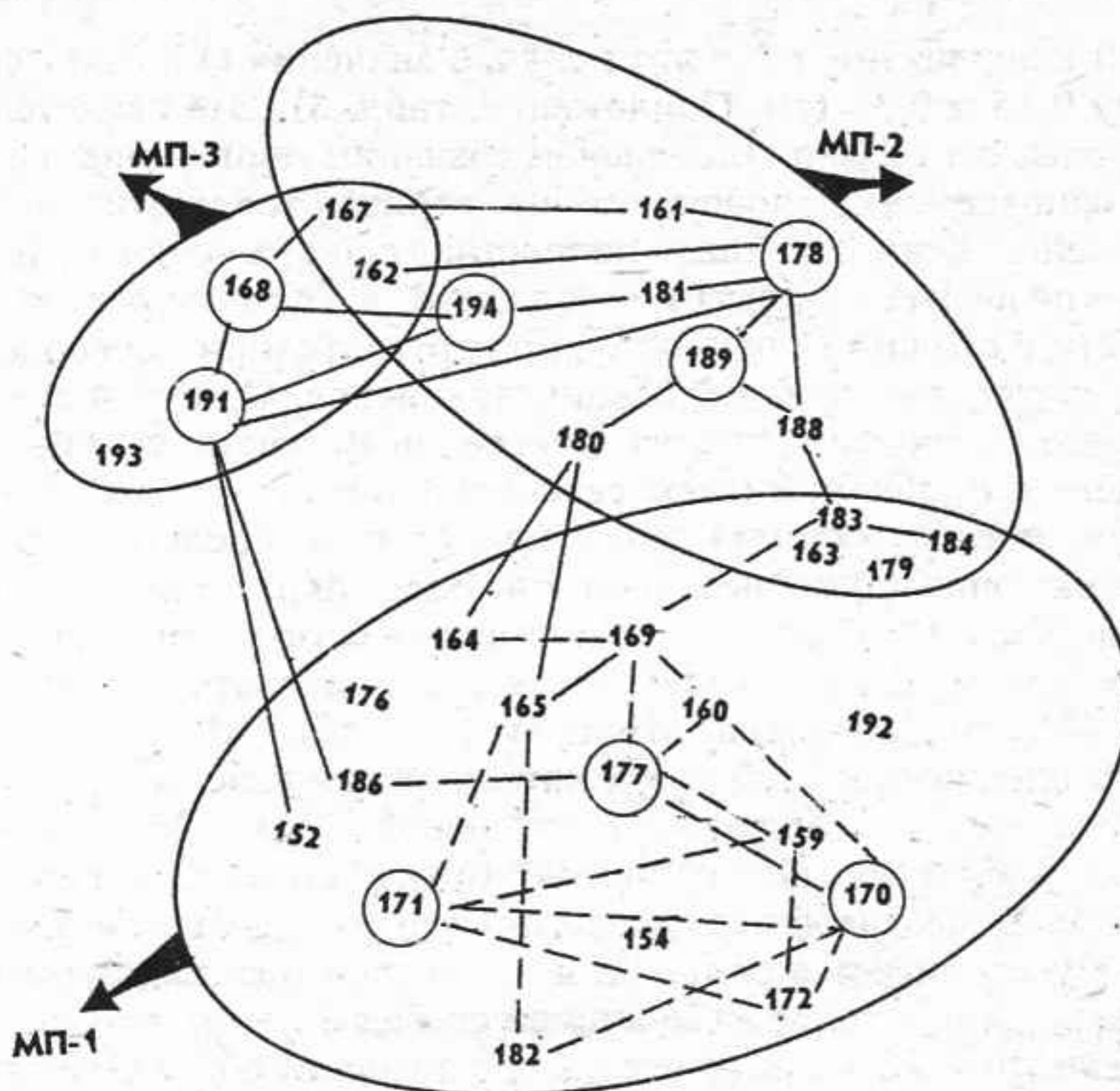
Все 5 пар интеракционистских ценностей обнаружили высокую внутреннюю альтернативность или конфликтность: коэффициенты корреляции Q внутри этих пар находятся в интервале между 0,83 и 0,95. В отличие от них, все 5 пар социализационных ценностей имеют низкий коэффициент

внутренней конфликтности: в этом случае значения Q находятся в интервале между 0,15 и 0,35 (см. Приложение, табл. 3). Это свидетельствует, с одной стороны, о том, что в кризисном сознании многих индивидов совмещаются и одновременно одобряются или отрицаются противоположные по своему значению ценности; такая ценностная сшибка — показатель глубоко зашедших кризисных процессов в обществе, а также утраты индивидами идентичности с прежними ценностными структурами и переориентации на новые структуры, т.е. ресоциализации индивидов. С другой стороны, рассматриваемые на уровне общества, многие дифференцирующие социализационные ценности обнаруживают свою конфликтность с достаточно широким кругом прежде официальных ценностных представлений — они выступают как оппозиционные ценности. Ядро таких ценностей составляют такие суждения: "Главное — это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве" (одобряют 41% респондентов, отрицают — 11%); "Для человека прежде всего важна оценка своей личной жизни по своим собственным, индивидуальным критериям" (одобряют 45%, отрицают 10%); "Человек волен жить в той стране, где ему больше нравится" (одобряют 51%, отрицают 22%).

Эти суждения противостоят идеологии тоталитаризма, тем представлениям, которые укоренились в сознании и жизненной практике ряда поколений нашей страны. Они исходят из принципа свободы, лежат в русле общечеловеческих ценностей. Их дальнейшее распространение среди российских граждан означало бы более активное вовлечение России в русло современной культуры. Как показывают результаты обследования "горячих точек", процесс идет именно в этом направлении: по всем трем суждениям, составляющим ядро оппозиционных ценностей, наблюдается увеличение на 15% числа солидарных с ними респондентов (соответственно: 57%, 61%, 66%). Это значит, что оппозиционные ценности имеют тенденцию стать ценностями большинства, доминирующими в российском обществе ценностями.

Дальнейший, более глубокий и обобщенный анализ ценностей связан с их дифференциацией на одобряемые и отрицаемые большинством респондентов ("за" больше или меньше, чем "против") и с использованием методов структурно-корреляционного и факторного анализа, позволивших обнаружить за элементарными ценностными позициями неочевидные их комплексы, ценностные макропозиции. Прежде всего, выявлены две одобряемые ("за" больше, чем "против"), но дифференцирующие общество макропозиции: "потребительский конформизм" (центр ее составляет суждение "Таким, какой я есть, меня сделали обстоятельства жизни") и "предприимчивый нонконформизм" ("Главное — инициатива, предприимчивость"). В них преобладают дифференцирующие ценности. Это достаточно значимые позиции. Логически они противостоят друг другу, но эмпирически в сознании индивидов переплетаются, образуя иррациональный синдром (см. рис. 2).

Вместе с тем, обнаружена активно отрицаемая ("против" больше, чем "за") макропозиция: властолюбивый эгоизм (в центре: оказывать влияние на других, иметь власть) (см. рис. 3). Власть предстает как альтернатива спокойной совести: власть несовместима со спокойной совестью — таков вердикт большинства

МАКРОПОЗИЦИИ (МП):

- МП-1: повседневный гуманизм
- МП-2: предприимчивый, нонконформизм
- МП-3: потребительский конформизм

КЛЮЧЕВЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ СУЖДЕНИЯ:

168 — таким меня сделали обстоятельства жизни

- 170 — жить в родной стране
- 171 — хорошие отношения
- 177 — спокойная совесть
- 178 — я сам сделал себя
- 189 — предприимчивость
- 191 — жить, как все
- 194 — жить по своим критериям

— $C > 0,5$ при $n > 100$
 - - - $C > 0,4 < 0,5$ при $n > 450$

C — коэффициент взаимной сопряженности (коэффициент Пирсона)

n — число респондентов, высказавших сопрягаемые суждения

Рис. 2. Одобряемые ценности (основной массив)

российских респондентов. Поскольку в данной позиции преобладают дифференцирующие ценности, то их отрицание выполняет позитивную, интегрирующую функцию.

Наряду с макропозициями факторный анализ позволил обнаружить свыше 10 элементарных ценностных позиций: внутри макропозиций, на стыках между ними, автономных. Например, "прагматичный псевдогуманизм", "эгоистичный эгалитаризм", "экстравертный максимализм" (см. Приложение, табл. 5).

Вопреки распространенным представлениям, факторный и структурно-корреляционный анализ одобряемых ценностей показал, что подавляющее большинство населения России привержено гуманистическим ценностям. "Повседневный гуманизм" выступает как универсальная ценностная макропозиция, включающая 18 интегрирующих и только 1 дифференцирующую ценность и потому консолидирующая поведение населения в самых массовых пластах жизни. Ее центр образует спокойная совесть, с которой

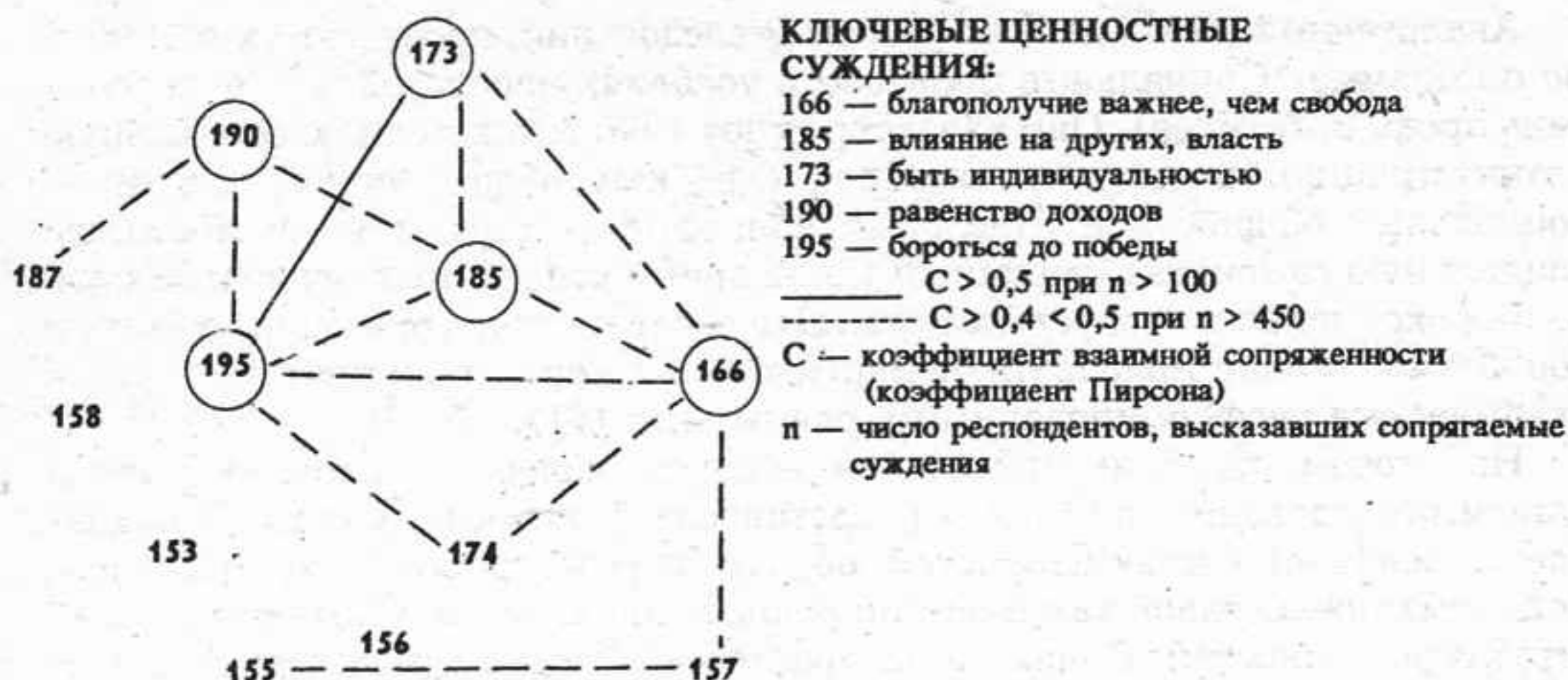

Рис. 3. Отрицаемые ценности (основной массив).
 Макропозиция "властолюбивый эгоизм"

тесно связаны: жизнь как высшая ценность; добро, красота и правда; хорошие отношения в семье и с друзьями; интересная работа, свобода и др. (см. рис. 2). Все это нормальные человеческие, общечеловеческие ценности. Это нравственная основа жизнестойкости всех народов России (различия между русскими и нерусскими в нашем исследовании невелики), предпосылка сохранения нашего общества как целого.

Результаты на основном, репрезентативном для всей России массиве респондентов убеждают, что наблюдающийся кризис ценностей на первой, дестабилизационной стадии общего кризиса означает не разрушение ценностей как таковых, а качественное обновление их структуры: происходит драматичный для личности переход от идеологизированной к плюрально-человеческой структуре ценностей. Налицо культурно-мировоззренческий плюрализм ценностных позиций, принципиальная их несводимость к прежнему официозному типу "нового человека". Это нормальное для современной цивилизации многообразие ценностных позиций свободных людей.

На уровне индивида плюральный характер ценностей умножается также благодаря тому, что ценностные ориентации того или иного индивида отнюдь не сводятся к какой-то одной ценностной позиции. Отдельная позиция воплощает соответствующие социальные и духовно-нравственные качества индивидов и социальных групп. Но каждому индивиду свойственно не одно, а довольно большое число таких качеств, среди которых одни более, а другие менее значимы для данного субъекта. Процесс плюрализации ценностей протекает на индивидуальном уровне весьма драматично. На первой, дестабилизационной стадии кризиса общества происходит массовая десоциализация и ресоциализация личности, когда индивид, обычно не сознавая того, либо одновременно одобряет (или отрицает) противоположные ценности, либо затрудняется сделать свой выбор, предпочитая промежуточную, маргинальную позицию. Такая позиция характерна в отношении суждений: "жить для себя", "добиваться общественного признания, успехов".

Аналогичный вывод делают авторы исследований, проведенных в 1990 г. по программе "Социальные процессы в условиях перестройки" (руководитель проф. В. А. Ядов). Они характеризуют 1990 г. как полную социальную дезинтеграцию, в условиях которой субъекты общественной жизни — социальные общности и отдельные личности — теряют свою прежнюю социальную самоидентификацию. Социальный статус практически каждой из них оказывается неопределенным. Это ведет к тому, что многие субъекты социальной жизни приобретают маргинальные характеристики или просто оказываются несформированными, размытыми (11).

На второй, конфликтной стадии кризиса общества (напомню, что в нашем исследовании эта стадия представлена "горячими точками") сохраняется основной состав ценностей, образующих макропозицию повседневного гуманизма, равно как и доминирующее влияние этой позиции во всей структуре ценностей. Однако в центре повседневного гуманизма оказывается не спокойная совесть, представляющая особую самоценность, а такая инструментальная ценность (ценность-средство), как самообеспечение индивидом своей безопасности. Назовем эту макропозицию "самоопределяемый демократизм" (см. рис. 4). Границы между макропозициями размываются, нарастают взаимосвязи между всеми ценностями, в том числе между противоположными макропозициями. Совокупная их структура предстает как целостность "клубка" разнородных позиций, которые тесно переплетены и в чем-то спутаны. Воздействие на любую ценность может резонировать во всей системе, непредвиденно приобретать лавинобразный характер. Вся система ценностей напряжена и взрывоопасна.

22

КЛЮЧЕВЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ СУЖДЕНИЯ:

- 177 — спокойная совесть
 - 180 — сам заботься о своей безопасности
 - 183 — взаимопомощь
 - 184 — равноправный диалог
 - 194 — жить по своим критериям
- С > 0,5 при n > 50
 - - - - - С > 0,4 < 0,5 при n > 150
 С — коэффициент взаимной сопряженности (коэффициент Пирсона)
 n — число респондентов, высказавших сопрягаемые суждения

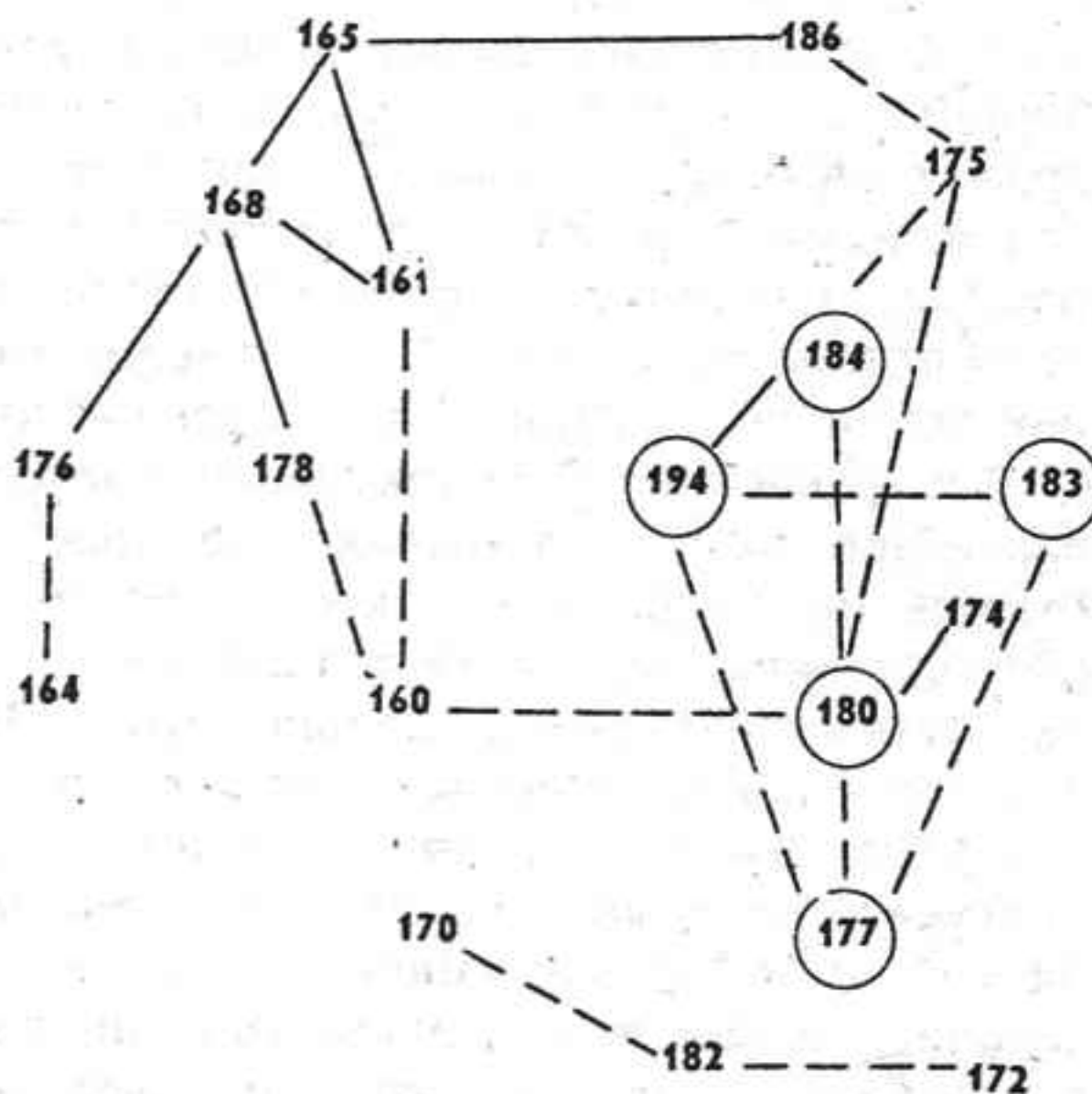

Рис. 4. Одобряемые ценности ("горячие точки").
 Макропозиция "самоопределяемый демократизм"

Вместе с тем, ценностные ориентации индивида становятся более четкими, менее противоречивыми. Значительно сокращается удельный вес промежуточных, маргинальных позиций. Усиливаются ориентации на самооценку каждого индивида, появляются новые элементарные позиции, выражающие именно эту ориентированность (практический индивидуализм, самоопределяемость индивида и т. п.). Формируется готовность к вполне определенным, решительным действиям на третьей, решающей стадии кризиса.

И вот эта ситуация наступила. Начавшись с антиконституционного путча, она развилась в катастрофу СССР и далее растеклась по проблемам 15 суверенных государств. Россия, по нашему убеждению, находится перед социокультурным выбором: станет ли человеческое измерение приоритетным в ближайшей ее исторической перспективе или же оно и дальше останется подчиненным иным, безлично-институциональным структурам?

У. Россия освобождающаяся: начало социокультурной реформации?

Пятый, неназванный В. О. Ключевским период российской истории можно назвать периодом освобождающейся России. Освобождающей своих граждан от личной зависимости, в которой они находились по отношению к помещикам, царско-чиновничьему или партийно-номенклатурному государству. Освобождающей свои народы от колониальной подчиненности "центру", а русский народ — от мрачной "родственной связи" с этим центром. Освобождающей творческие силы всех жизнеспособных социальных общностей — этнических и поселенческих, профессиональных и культурно-исторических.

В исследовании "Наши ценности сегодня" мы столкнулись с особой сложностью проблемы социальных субъектов в кризисном социуме. Анализ процессов восстановления многомерности человека и общества требует использования различных методологических подходов.

Традиционный социально-профессиональный подход показывает, что активными социальными субъектами ныне являются прежде всего группы квалифицированных рабочих, а также занятые тяжелым трудом и одновременно живущие в скверных бытовых условиях. Рядом с ними — потомственная гуманитарная интеллигенция. Горожане много активнее жителей села, особенно горожане в первом поколении. Оживились социальные функции профессионально-отраслевой, во многом корпоративной принадлежности работников (шахтеры, транспортники, связисты, занятые материально-техническим снабжением и т. д.). И все же лишь часть проблем социальной активности получает объяснение путем их сведения к положению таких социальных групп.

Ряд исследований указывает на перспективность социально-стратификационного подхода. Особого внимания заслуживает проблема восстановления среднего слоя как самой массовой группы экономически активных граждан, без которых невозможно саморазвивающееся гражданское общество. Существует социальная база для формирования такого слоя, прежде

всего специалисты с высшим и средним специальным образованием, ориентированные на работу в условиях рыночной экономики. Но возможности этого слоя мало востребованы.

Исследование подтверждает эффективность историко-типологического подхода к социальным субъектам (в последнее время он активно используется в исследованиях Л. А. Гордона, Б. З. Докторова, Ю. А. Левады и других российских социологов). В условиях кризиса возрастает роль общесистемных факторов, особенно институциональных и культурных. Они осознаются в виде социально-исторических ориентиров общества; эти ориентиры сопряжены с ценностями, но отличаются от них тем, что являются по своему конкретному содержанию прежде всего экономическими и политическими. На этой почве происходит пусть временная, но в данный момент действенная консолидация людей, имеющих различное объективное положение, и дифференциация людей со сходным положением. Возникают социально-исторические типы, выражающие особенности данного этапа развития общества как целого, процесс трансформации прежних социальных субъектов в новые. Если за основу взять социально-экономическую (равенство — дифференциация доходов) и политическую (тоталитаризм — демократия) оси дифференциации, то вырисовываются следующие типы: "эгалитаристы", "прогрессисты", "консерваторы", "консумисты", "маргиналы" (наименования типов предварительные) (12).

Эта типология коррелирует с уровнем образования: с ростом образования увеличивается доля прогрессистов, и уменьшается — консерваторов и отчасти консумистов; у эгалитаристов связь более сложная. В целом она помогает объяснить широкий круг полученных данных, включая те, которые характеризуют ценности. Так, прогрессисты более других привержены ценностям гуманизма; выше среднего — ценностям предприимчивости, менее всех — потребительству; напротив, консерваторы более других привержены ценностям потребительства, а менее других — ценностям гуманизма и предприимчивости; своя логика прослеживается в позициях эгалитаристов, консумистов и маргиналов. Особый интерес представляет максимальная поддержка ценностей предприимчивости со стороны консумистов.

Налицо плюрализм социальных субъектов, вносящий значительную неопределенность в динамику кризиса, особенно на его заключительной, разрешающей стадии, когда главным стал вопрос: что же будет с Россией после катастрофы СССР? Поиски ответов часто ограничиваются обнаружением более или менее удачных альтернатив внутри одной, политической сферы жизни: предпочтительна ли России усиление исполнительной власти за счет законодательной или стремиться к их балансу, а точнее, к балансу трех властей, включая судебную, и т.п. Все еще довлеют стереотипы упрощенно понятого формационного подхода: антипутчевая революция народа квалифицируется как буржуазно-демократическая, но ... без буржуазии, которой теперь предстоит сформироваться. (Опять постулируется "обратный порядок" исторических процессов, подобно тому, как предполагалось сначала осуществить социалистическую революцию в стране с низкой грамотностью населения, а затем дополнить ее культурной революцией). Словом, в

актуализированной оболочке на авансцену российской истории вновь вытаскиваются те или иные ее аспекты, жизненно значимые для тех, кто непосредственно вовлечен в политику, а не для большинства граждан. Но особенность политической борьбы такова, что в нее быстро вовлекаются широкие слои населения, реальная жизнь которых от этого не улучшается, а в условиях кризиса может еще более ухудшиться и довести массы до бунта отчаяния.

Принятие человеческого измерения в качестве определяющего критерия развития предполагает прежде всего отказ от попыток навязывать другим людям свои конструкции их светлого будущего. Исторический опыт свидетельствует, что такое навязывание чаще всего оказывается исторической ловушкой для всех, в том числе для его активистов. Реальными становятся не теоретические конструкции пусть даже гениальных умов, а те социальные порядки, которые вырастают из самостоятельных действий множества граждан, движимых собственными интересами и формирующих собственные же представления о своем настоящем и о желательном для них будущем.

Рационализация этих представлений и действий всевозрастающего числа граждан — важнейшая культурная составляющая цивилизованного развития любой страны. Едва ли не главной причиной многих социальных превращений, происшедших с нами в XX веке, был дефицит рационализации сознания и действий советских людей. Вернее даже говорить об антирациональном, мифологическом сознании, целенаправленно и в массовом масштабе выращивавшемся в советском обществе. Такое сознание радикально деформировало смысл массовых действий даже в тех процессах, которые сами по себе изначально рациональны. Например, в процессе научно-технической революции, благодаря которой общество обычно совершает переход из традиционного в индустриальное состояние своего развития. Идеологические мифы столь существенно деформировали этот переход, что сейчас затруднительно квалифицировать его как состоявшийся.

Следовательно, выверенный историей ответ на вопрос "Что же дальше?" состоит в том, что пора, наконец, предоставить каждому гражданину России возможность обустроить свою жизнь так, как он сам считает нужным, лишь бы это не противоречило общечеловеческим нормам нравственности и не препятствовало осуществлению другими людьми прав и свобод, присущих в цивилизованном обществе каждому человеку от рождения. Принятие такого ориентира и его реализация стали бы для России тем историческим процессом, который по достоинству мог именоваться социальной реформацией. Этот ориентир не выдуман кем-то в кабинете, а возник на заре Нового времени, когда стало формироваться гражданское общество, в ответ на обострившиеся потребности граждан в признании за ними неотъемлемых прав и свобод человека — таких, как право на жизнь и собственность, свободы слова, совести и др. Теоретическое обоснование этого ориентира дано в трудах таких классиков мировой философской и политической мысли, как Гоббс и Локк (Англия), Монтескье и Руссо (Франция), Кант и Фихте (Германия), Джефферсон и Пэн (США). И в России немало выдающихся умов связали свою жизнь и творчество с утверждением принципов цивилизованной жизни человека. Так, М. М. Сперанский

еще в начале XIX в. в своем "Плане государственного преобразования" писал: "Противно природе человека предполагать, чтобы кто-либо согласился жить в таком обществе, где ни жизнь, ни имущество его ничем не обеспечены". А главный аргумент в пользу основного ориентира цивилизованной жизни — сама жизнь сначала некоторых (в XVI — XVII вв.), затем все большего числа народов Европы, Северной Америки и других континентов. Успехи народов, руководствующихся этим ориентиром, особенно впечатляют во второй половине XX в.

Почему речь идет о реформации? Латинское слово "reformatio" означает преобразование, но не переворот (французское "revolution"). Цивилизационные процессы протекают эволюционно, благодаря чему обеспечивают непрерывность человеческой истории. Даже интенсивные преобразования имеют характер не революций, а реформ. В исторической науке термином "реформация" обозначают широкое общественно-политическое и религиозное (протестантское) движение в Западной и Центральной Европе XVI в., противопоставившее внешним ритуалам католицизма внутреннюю свободу христианина, его сознательное и неподневольное стремление к добру как непеременимое условие личной веры и спасения. Это был первый прорыв к утверждению неотчуждаемых прав человека, и в этом он сродни процессам, переживаемым нами сегодня. По этой аналогии можно характеризовать нынешние процессы в России как начало своего рода реформации. Но по своему конкретному содержанию современная реформация радикально отличается от прежней: это отказ не от религиозных, а от светских догм и авторитетов, ценностей и стереотипов поведения в пользу земного человека с его материальными и духовными потребностями и интересами. Это духовно-нравственная, политико-правовая и экономико-социальная реформация. Для краткости — просто социальная реформация. Конечно, она восстанавливает и подлинную свободу совести, а потому включает аспект веры, в том числе религиозной.

Какие есть основания надеяться, что социальная реформация в России конца XX в. возможна, реальна? Важнейшее основание заключается в том, что исходные, "пусковые" ее процессы уже начались, а следующий их эшелон достаточно подготовлен. Логически и исторически пусковым процессом реформации служит поворот в умах людей. Всероссийское исследование "Наши ценности сегодня" показало, что такой поворот начался. Идет либеральная плюрализация ценностей, в структуре которых, при всей конфликтности, фундаментом служит повседневный гуманизм — гибкая структура ценностей, меняющаяся вместе с ситуацией и влияющая на поведение индивидов. Это свидетельствует о реальности гуманизации как пускового процесса социальной реформации в России.

Этот факт делает несостоятельной часто используемую ныне ссылку на известное пушкинское "Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный". Русский народ ныне не тот, каким он был во времена Пугачева, декабристов, Герцена и даже гражданской войны 1918—1920 гг. — не прошли даром духовный взлет России в XIX в. и трагические уроки истории XX в. Горькая и в то же время мудрая стойкость россиян в дни и

ночи августовского путча явила всему миру народ, чуждый бессмысленному и беспощадному бунту. На высоте удержался он и в дни эйфории от одержанной победы. Конечно, было бы наивно зарекаться от всяких трагических эксцессов в будущем, но социальная реформация в России имеет под собой надежную гуманную почву.

Но процесс гуманизации в России находится лишь на начальной стадии. Его продолжение зависит от дальнейшей рационализации сознания и действий людей, прежде всего от развития культуры — науки (особенно гуманитарной), образования и просвещения, литературы и искусства. Если российская культура не получит необходимой поддержки со стороны демократического государства (а больше ей неоткуда получить такую поддержку), то процесс гуманизации может заглохнуть. Это станет сигналом бедствия всей социальной реформации.

В паре с гуманизацией идет процесс легитимации — обеспечения законности действий всех государственных органов и граждан. Без этого гуманизация оставалась бы лишь фактом культурной жизни общества. В то же время это главный процесс создания правового государства, в котором закон выше любого субъекта, но не выше прав человека, — их он должен обеспечивать и никогда не противоречить им. Российский парламент принял пакет первоочередных законов, но основная работа впереди. Предстоит сочетать интенсивность работы с необходимым ее качеством.

Следующая пара процессов — приватизация средств производства и демилитаризация его структуры. Приватизация значительной части государственной собственности служит базовым процессом реформации. По данным нашего исследования, уже в середине 1990 г. свыше 40% респондентов высказались за передачу легкой промышленности и всего сельского хозяйства в частные руки и лишь 35% — за сохранение этих отраслей в руках государства. В целом 49% россиян были за рыночную экономику, где оплата труда определяется спросом и предложением рабочей силы, и за такую форму собственности, при которой много потребительских товаров высокого качества, хотя не все имеют возможность купить их из-за высоких цен. Против и затруднились ответить — примерно по 25%. 32% желают иметь в качестве основной работу на акционерных, арендных и иных негосударственных предприятиях, а еще 25% — иметь такую работу в качестве источника дополнительного заработка. Кроме того, вести фермерское и приусадебное хозяйство, заниматься индивидуальной трудовой деятельностью желают: 20% в качестве основной работы и 45% — в качестве дополнительной работы. С ростом образования и квалификации повышается желание работать в рыночной экономике, активно за нее — потенциальный средний слой. Но значительное число респондентов желают, как и прежде, работать на государственных предприятиях.

Следовательно, в соответствии с особенностями своих ценностных ориентаций и жизненного опыта, различные социальные субъекты заинтересованы трудиться в разных социально-экономических условиях. С этим разнообразием желаний и интересов, исторически и культурно обусловленных, необходимо считаться. На наш взгляд, такому разнообразию наиболее

соответствует смешанная экономика как специфическая форма рыночной экономики.

Таким образом, имеются субъективные предпосылки для развертывания приватизации и формирования смешанной экономики. Нужны такие экономические механизмы, эффективности которых не зависели бы (или эта зависимость была бы минимальной) от перипетий политической борьбы. Дальнейшее торможение этих процессов чревато экономическим крахом.

Одно из главных препятствий на пути приватизации — высокая степень милитаризации промышленности в России. До сих пор общественность не имеет надежных данных о структуре производства для военных нужд, о доле этого производства в промышленном потенциале республики. Без таких данных не может быть компетентного решения ни вопросов конверсии, ни проблем приватизации промышленных предприятий. Демилитаризация структуры производства — насущная задача.

И еще два различных, каждый по-своему результирующих процесса реформации. Во-первых, инноватизация всей хозяйственной деятельности. Утверждение конкурентности между производителями и резкое понижение заборов военной секретности позволят повысить восприимчивость частных и государственных предприятий к продуктным и технологическим нововведениям, заинтересуют в интенсификации инновационных процессов. По сути, именно здесь кроется механизм роста эффективности производства, насыщения потребительского рынка разнообразными товарами высокого качества.

Во-вторых, социальная реинтеграция российского общества. За последние годы произошла глубокая дезинтеграция всех общественных структур, или тотальная социальная дезинтеграция. Большинство социальных субъектов утратили свою идентификацию с прежними структурами, кроме этнических, которые и приобрели гипертрофированное влияние в обществе. Только начались процессы пересоздания структур российского общества и переориентации его субъектов. Пока они развертываются как следствие приватизации и других названных выше процессов. Но по мере своего становления новые социальные группы и институты будут оказывать все более заметное влияние на породившие их процессы. Социальная реформация будет получать в них свою кристаллизацию. Не стоит гадать, какими они станут.

Все это означало бы движение российского общества в том же направлении, в котором движется современная цивилизация, — в направлении утверждения человеческого измерения в качестве определяющего, рационализации хозяйственной и общественной деятельности людей, увеличения степеней свободы человека. Хотелось бы надеяться, что Президент, Парламент, Конституционный суд, все народы России окажутся на высоте того исторического выбора, перед которым находится наша Родина, и сделают все от них зависящее для успеха социальной реформации России, т.е. для своего собственного успеха.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Теоретико-методологические предпосылки и методические аспекты всероссийского исследования "Наши ценности сегодня"

Замысел исследования был сформулирован в октябре 1989 г. Главная цель исследования: через изучение ценностей, актуализировавшихся в условиях перестройки, выявить существенные социальные характеристики кризисного этапа развития советского общества, предложить вариантный прогноз преодоления этого этапа.

Этой цели соответствуют основные задачи исследования: 1) Зафиксировать наиболее значимые в настоящее время поведенчески-мотивирующие ценности (13) населения РСФСР, их структуру и объективные функции на современном этапе социального развития РСФСР. Гипотезы: ценности поляризованы и осознаются как таковые; значительному числу людей свойственны настроения пессимизма, тупиковости дальнейшего движения, что соответствует кризисному этапу развития общества.

2) Обнаружить реальных носителей этих ценностей путем сопоставления, с одной стороны, социально-профессиональных групп, а с другой — социально-исторических групп (14). Гипотеза: в настоящее время актуализировались, более значимы социально-исторические группы как субъекты поведенчески-мотивирующих ценностей.

3) Предложить вариантный прогноз динамики нынешней структуры ценностей. Гипотеза: или эскалация социальных напряженностей, вызываемых полярностью ценностей, ведущая к углублению общего кризиса раннесоциалистического общества; или усвоение культуры диалога

между социальными группами, отстаивающими полярные ценности, и формирование на этой основе новых ценностей, открывающих путь к новому ценностному консенсусу народа.

Этот замысел конкретизировался в виде концептуальной блок-схемы исследования, включавшей два типа исследуемых параметров: А) эмпирически фиксируемые характеристики объекта (виды объектов, структура тотального отчуждения, типы ценностей, социальных групп и деятельности) и Б) аналитико-прогнозируемые характеристики объекта (см. табл. 1).

После обсуждения на семинарах авторского коллектива исследователей этот замысел был развернут в концептуально-методическую схему исследования, где в качестве исходных, независимых переменных принималась совокупность видов и состояний тотального отчуждения человека, обусловившая отчуждение советского общества от развития и вызвавшая его общий кризис. Была определена следующая структура вопросника (бланка интервью), с помощью которого должны быть получены основные эмпирические данные:

Блок № 1: "Объективка". Он включает стандартные вопросы о социально-демографическом составе респондентов, их социально-профессиональном составе и актуальных видах их занятий (трудовых и общественно-политических). Нестандартную его часть составляют индикаторы потенциальных

социально-исторических групп (специальный подблок).

Блок № 2: "Виды и состояния отчуждения". В качестве базовых принимаются 7 видов отчуждения, зафиксированных ранее в "Концептуальной блок-схеме исследования". Каждый из них желательно отразить в трех измерениях: а) конкретные эмпирические проявления; б) динамика этих состояний за последние два-три года (стало лучше или хуже); в) оценки возможностей субъекта преодолеть эти проявления (фиксация состояний отчуждения).

Блок № 3: "Состояние кризисного сознания". Необходимо зафиксировать эмпирические проявления состояния сознания по трем основным стадиям развития кризиса как социального процесса:

1) дестабилизация, предконфликтное состояние (распространяются ощущения безысходности, тупиковости жизни на всех уровнях — от индивида до общества);

2) остроконфликтное состояние (каждая сторона сформировала свой "образ врага" и знает, что следует делать для нанесения ущерба противоборствующей стороне);

3) разрешения, исходы кризиса: а) неуправляемое движение к катастрофе; б) стабилизация через институционализацию конфликтов как способа управляемого развития; в) нормализация путем диалога и достижения нового консенсуса; г) "откат" назад, к исходному, докризисному состоянию. Блок № 4: "Альтернативные ценности". Следует в позитивно-альтернативной форме зафиксировать два наиболее значимых для целей исследования типа ценностей: преимущественно интегрирующие и преимущественно дифференцирующие. Их дихотомия пронизывает четыре основные группы ценностей: смысложизненные, витальные, интеракционистские, социализационные.

Блок № 5: "Предпочитаемые виды занятий". Это заключительный блок вопросника, ставящий точки над "i" во всем эмпирическом материале. Речь идет о том, какие виды занятий предпочитают респонденты не вообще, а в конкретной нынешней исторической ситуации, в условиях новых возможностей, открываемых перестройкой (но именно в той мере, в какой эти возможности действительно открываются). Необходимо зафиксировать предпочтения относительно занятий в четырех областях:

1) труде;

2) общественно-политической деятельности, в том числе в связи с выборами в республиканские и местные Советы;

3) рекреации;

4) другие.

Структура получаемых эмпирических данных представлена в табл. 2.

Кроме того, были сформулированы Указания к получению необходимых статистических данных и к последовательности аналитической работы со всеми эмпирическими данными, т.е. сформулирован эскиз программы их теоретического анализа. Эта программа включала несколько стадий описания реальности (реконструирующий анализ).

Эта подготовительная работа была завершена в декабре 1989 г. Затем, в январе — мае 1990 г. велась методическая работа по созданию самого вопросника (бланка интервью). Первоначальный замысел предполагал разработку компактного вопросника: 25—30 вопросов, не считая "объективки". Но это оказалось нереальным. Изложенная выше структура бланка интервью потребовала свыше 200 вопросов — на грани возможного для такого жанра опроса как интервью.

Центральным и наиболее сложным при подготовке бланка интервью стал блок № 4 "Альтернативные ценности" —

та специфическая призма, сквозь которую авторы как раз и намеревались выявить социально-духовные грани кризиса советского общества. Этой цели не отвечали соответствующие, известные в литературе перечни ценностей и их типологии: их построение по сферам общественной жизни или областям интересов людей (экономика, политика, наука и т.д.); их деление на терминальные (конечно-целевые) и инструментальные и др. Поскольку речь идет об общем кризисе, сущность которого составляет тотальное отчуждение человека, то сам набор ценностей представлялось более правильным формировать по таким универсальным основаниям поведения человека, связанным с его потребностями, как смысло-жизненные, витальные, интеракционистские, социализационные ценности. Для понимания кризиса наиболее значимо деление ценностей на интегрирующие (универсальные) и дифференцирующие (партикуляристские) поведение людей в обществе. Очень существенно выяснить, какие ценности одобряются, какие отрицаются, а какие получают промежуточные (маргинальные) оценки в кризисном социуме, на разных стадиях кризиса. Для этого недостаточно чисто эмпирическое распределение ценностей в зависимости от ответов ("согласен", "не согласен", "колеблюсь"), необходимо ввести теоретически обоснованные альтернативы каждой ценности, т.е. строить альтернативные пары ценностей, при этом каждая ценность должна иметь позитивную формулировку.

Эти и другие вопросы построения ценностного блока детально и неоднократно обсуждались авторским коллективом. Поэтому сформулированный список альтернативных ценностей (см. табл. 3) является результатом творчества всего коллектива. Наиболее значи-

тельный вклад в создание этого вопросника внесли: В. Ю. Бойко (выдвижение ряда ценностных суждений, пилотажная их апробация), Г. М. Денисовский, П. М. Козырева (выдвижение альтернативных суждений для многих пар, окончательная формулировка всех суждений, определение порядка их предложения респондентам в бланке интервью — не в альтернативной форме, не по группам), А. Г. Здравомыслов (теоретико-методологические критерии отбора ценностей), Н. И. Лапин (структурирование ценностей как интегрирующих и дифференцирующих, основания их деления на четыре группы), М. А. Макаревич (выдвижение ряда ценностных суждений), Н. Ф. Наумова (альтернативный принцип построения, выдвижение ряда ценностных суждений).

Не останавливаясь на каждом из других блоков вопросника, отмечу, что по инициативе Г. М. Денисовского, П. М. Козыревой и В. В. Колбановского в них были включены свыше 30 вопросов из вопросников, подготовленных и использованных Институтом социологии АН СССР при проведении сравнительных международных исследований. Это повысило значимость исследования ценностей в кризисном социуме, позволив органически сопоставлять его результаты с результатами других исследований (15).

Методическая "доводка" всего текста вопросника, его представление в соответствии с требованиями машинной обработки данных выполнены Г. М. Денисовским и П. М. Козыревой. Они же, вместе с другими специалистами ИСАН, предложили репрезентативную для РСФСР выборку, включающую все виды населенных пунктов вплоть до глухих деревень. Согласно этой выборке, достаточно опросить 1000 респондентов из 12 регионов (см. табл. 4). Кроме того,

были добавлены 3 "горячих точки" (около 450 респондентов).

Трудоемкая работа по организации и проведению полевых исследований была выполнена сотрудниками, аспирантами и студентами-старшекурсниками социологического факультета МГУ (организаторы — С. В. Туманов, Б. Г. Григорьев). Во второй половине июня — первой половине июля 1990 г. были получены личные интервью по месту жительства от 1418 респондентов. Несмотря на большой объем каждого интервью качество ответов на вопросы в целом оказалось удовлетворительным, процент "нулевых ответов" в норме. По большинству параметров (пол, возраст, национальность и др.) массив опрошенных соответствует статистическим данным. Лишь удельный вес интеллигенции оказался существенно выше статистического; чтобы до-

стичь соответствия, была проведена процедура "перевзвешивания" массива.

Математическая обработка полученных данных на ЭВМ была проведена в вычислительном центре Института социологии АН СССР (А. О. Крыштаповский, И. Я. Миндлин). Были применены методы факторного анализа, исследованы парные корреляции внутри каждой из двух групп ценностей — одобряемых и отрицаемых. Эта работа потребовала значительного времени: она проводилась с осени 1990 г. до середины 1991 г.

Однако было бы преждевременным говорить о завершении количественного и тем более качественного анализа эмпирических данных, полученных в ходе такого многопланового исследования, как "Наши ценности сегодня". Авторы полагают, что сумели освоить лишь первый слой этих данных. Впереди дальнейшая, более углубленная аналитическая работа.

Таблица 1

Концептуальная блок-схема исследования

А. Эмпирически фиксируемые характеристики				Б. Аналитически прогнозируемые характеристики	
ОБЪЕКТЫ	ОТЧУЖДЕНИИ ОТ:	ЦЕННОСТИ	ТИПЫ ДВЯТ-ТИ	I. ДИАЛОГ	НОВЫЕ ЦЕННОСТИ
Все типы поселений (в т. ч. деревни), с учетом степени социальной напряженности в них. Случайная районированная выборка.	1. власти 2. результатов труда 3. самоорганизации труда 4. структуры производства от потребностей населения 5. самосознания 6. личной безопасности 7. части производства — от законных структур Итого: отчуждение общества от развития	— интегрирующие (универсальные) — дифференцирующие (партикуляристские) СОЦ. ГРУППЫ (субъекты ценностей и деятельности): — социально-демографические — социально-профессиональные — социально-исторические	(поля приложения сил), желаемые субъектами: — гос. предприятия — респ. предприятия — местн. предприятия — кооперативы — индивидуал — совместительство — "левая" раб. — обществ. организации (традиционные) — неформальная организация — религиозная организация — другие	как способ понимания, взаимодействия или II. КОНФЛИКТ (забастовки и др.): а) регулируемый б) стихийный	— Свобода как ценность и реальное условие активности Демократия как тип отношений (общения), соответствующий принципам свободы

Структура получаемых эмпирических данных
(Приложение к концептуально-методической схеме)

РЕАЛЬНОСТИ						ВОЗМОЖНОСТИ		
Территориальные общности, их социальные состояния	Социальные группы как субъекты деятельности	Актуальные социально-организационные типы деятельности	Виды и состояния отчуждения человека	Состояния кризисного сознания	Альтернативные ценности	Желаемые типы социально-организационной деятельности	Ожидаемые состояния социальных групп	Ожидаемые состояния территориальных общностей
А Село (деревня) Районный центр (поселок) Малый город Средний город Большой город	А Традицион.: Соц.-демогр. Соц.-профес. Соц.-квалификацион.	А Трудовые: — гос-предпр. — арендное — акционерн. — колхоз — кооператив — бюджетная организация ИТД — крестьян. хозяйство — дом. хоз. — "левая" работа (теневая экономика)	— От власти — От результатов труда; — от самоорганизац. труда; — структуры производ. от потребностей населения; — от личной безопасности — между двумя экономиками — от исторического самосознания	— Стабильное — Дестабилизация — Острый конфликт — Разрешение кризиса: — катастрофа — консенсус — институционализация конфликт — откат к тоталитаризму	I Интегрирующие	А Трудовые (см. графу 3)	По типам и видам социальных групп (см. графу 2)	По типам социальных общностей (см. графу 1)
Б Стабильное Дестабилизация Острый конфликт Разрешение кризиса: — катастрофа — консенсус — институц. конфликт — откат к тоталитаризму	Б Новые: Социально-исторические	Б Обществен.-политич.: — правящая — оппозиция — другие			II Дифференцирующие	Б Общественно-политические (см. графу 3)		

Список альтернативных ценностей

Интегрирующие	Дифференцирующие	Q
I. Смысложизненные ценности		
1) Жизнь человека — высшая ценность, только закон может посягнуть на нее.	2) Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека	0,79
3) Самое ценное на свете — это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека жизни (независимо ни от каких обстоятельств).	4) Человеческая жизнь — самое ценное, что есть на свете, но бывают обстоятельства, когда человека приходится лишать жизни.	0,17
5) Человеку свойственно разное, но все-таки по своей природе он добр.	6) Природа человека такова, что зло в нем неискоренимо и в конце концов оно в нем преобладает	0,93
7) К правде нужно стремиться всегда, независимо от обстоятельств.	8) Не всегда нужно стремиться к правде, иногда нужна ложь во спасение.	0,68
9) В любых условиях красота делает человека лучше и чище.	10) Бывают такие условия, что никакая красота не может сделать человека лучше и чище.	0,33
11) Свобода человека — то, без чего его жизнь теряет смысл.	12) Нужно благополучие, а свобода — это второй вопрос для человека.	0,88+
13) Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею значительную часть своей жизни.	14) Сколько угодно можно заниматься любой работой, которая дает хороший заработок.	0,89
15) Смысл жизни человека не в том, чтобы улучшать свою собственную жизнь, а в том, чтобы обеспечить достойное продолжение своего рода.	16) Смысл жизни человека в том, чтобы сделать свою собственную жизнь как можно лучше, и совсем не обязательно оставлять потомков.	0,95
II. Витальные ценности		
17) Главное в жизни — забота о своем здоровье и благополучии.	18) Главное в жизни — найти и выразить себя, даже в ущерб своему здоровью и благополучию.	0,09
19) Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами.	20) О своей безопасности человеку приходится заботиться самому, действуя в соответствии с собственным чувством справедливости.	0,81
21) Люди и государство должны больше всего заботиться о детях.	22) Люди и государство должны заботиться о стариках не меньше, чем о детях.	0,09
23) Человек должен стремиться жить и добиваться максимального комфорта для себя а другие пусть о себе заботятся сами.	24) Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, своей семье, даже если ему приходится жертвовать своим комфортом и отрывать что-то от себя	0,88
III. Интеракционистские ценности		
25) В жизни максимальное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские взаимоотношения.	26) В жизни максимальное внимание нужно уделять тому, чтобы добиться общественного признания и успеха.	0,95
27) В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была спокойная совесть и душевная гармония.	28) В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была возможность оказывать влияние на других, была власть.	0,98
29) Взаимопомощь и поддержка Рис. 2. в труде важнее трудовой состязательности и борьбы способностей.	30) Трудовая состязательность, борьба способностей важнее взаимопомощи и поддержки в труде.	0,91

Тяжкие годы России

Интегрирующие	Дифференцирующие	Q
31) В нашей жизни очень важно быть готовым к равноправному диалогу с теми, кто придерживается иных политических взглядов, ориентаций.	32) В нашей жизни очень важно бороться до победы над политическими оппонентами, соперниками.	0,83
33) Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни.	34) Равенство положения, доходов, условий жизни важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей.	0,85
IV. Социализационные ценности		
35) Жить как все лучше, чем выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью.	36) Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все.	0,21
37) Главное — это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством.	38) Главное — это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве.	0,30
39) Для человека прежде всего важно соотнесение своей личности с жизнью своего поколения и его местом в истории страны.	40) Для человека прежде всего важна оценка своей личной жизни по своим собственным, индивидуальным критериям.	0,35
41) Родина у человека одна, и не хорошо покидать ее по своему усмотрению.	42) Человек волен жить в той стране, где ему больше нравится.	0,15
43) Я стал таким, какой я есть, главным образом, благодаря самому себе ("сам сделал себя").	44) Таким, какой я есть, меня сделали обстоятельства жизни.	0,16

Таблица 4

Выборка регионов РСФСР для проекта РОС "Ценности социальных групп и перестройка"

Регионы	Количество интервью
1. Амурская обл.	119
2. Белгородская обл.	136
3. Кабардино-Балкарская АССР	36
4. Карельская АССР	24
5. Костромская обл.	83
6. Санкт-Петербург	32
7. Москва	62
8. Новосибирская обл.	166
9. Пермская обл.	88
10. Саратовская обл.	76
11. Татарская АССР	58
12. Тульская обл.	120
ИТОГО:	1000
Горячие точки	
1. Новокузнецк	150
2. Норильск	150
3. Красноярск	150
Итого:	450

Элементарные ценностные позиции
(основной массив, 11 факторов, 54% дисперсии)

NN факторов	Названия факторов	Собств. значения факторов	% дисперсии	Наиболее значимые ценностные суждения (N, суть, собственное значение)
1	Повседневный гуманизм	6,386	14,5	159 — правда (0,4) 160 — добро (0,5) 163 — свобода (0,4) 164 — интересная работа (0,56) 165 — продолжение рода (0,54) 169 — закон обеспеч. безопасность (0,6) 171 — хорошие отношения (0,73) 172 — дети (0,72) 177 — спокойная совесть (0,72) 182 — старики (0,75)
2	Эгоистичный эгалитаризм	4,006	9,1	157 — здоровье (0,62) 166 — благополучие (0,5) 167 — заработок (0,64) 168 — таким меня сделала жизнь (0,49) 174 — комфорт (0,54) 190 — равенство доходов (0,57) 194 — жить по своим критериям (0,4)
3	Патриотичный конформизм	2,732	6,2	170 — родина одна (0,63) 173 — быть индивидуальностью (-0,58) 179 — жить, где нравится (-0,6) 191 — жить, как все (0,51) 193 — следовать традициям (0,45)
4	Социализиров. предпринимчив.	1,969	4,5	188 — соотносить себя с поколением (0,61) 189 — предприимчивость (0,68) 184 — равноправный диалог (0,43)
5	Прагматичный псевдогуманизм	1,715	3,0	152 — закон может посягнуть на жизнь (0,44) 176 — иногда приходится лишать жизни (0,74) 192 — никто не вправе лишать жизни (-0,79)
6	Экстравертный максимализм	1,316	3,0	153 — выразить себя (0,6) 154 — красота спасет (0,5) 195 — бороться до победы (0,51) 155 — зло неискоренимо (0,4) 155 — зло неискоренимо (0,4)
7	Мрачный негативизм	1,234	2,8	155 — зло неискоренимо (0,45) 158 — можно посягнуть на жизнь другого (0,61) 161 — красота не поможет (0,65)
8	Конкурентность	1,213	2,8	183 — взаимопомощь (0,58) 187 — состязательность (0,74) 166 — благополучие (0,34)
9	Достижимость	1,174	2,7	181 — успех (0,6) 185 — власть, влияние (0,54) 174 — комфорт (0,43)

Тяжкие годы России

1	2	3	4	5
10	Ложный нонконформизм	1,119	2,5	162 — ложь во спасение (0,74) 180 — надо самому заботиться о своей безопасности (0,38)
11	Самодостаточный нонконформизм	1,080	2,4	168 — таким меня сделала жизнь (-0,33) 178 — я сам сделал себя (0,78) 156 — смысл жизни не в потомках (0,24)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1987. Т.1. С.62.

2. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 315.

3. Лапин Н. И. Тотальное отчуждение и общий кризис раннего социализма // Вестник АН СССР. 1990. N 5.

4. Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. 2. М., 1989. С.218.

5. См. Лапин Н. И. Указ.раб.

6. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. I-III.

7. В "Толковом словаре живого великорусского языка" В. Даля читаем: "Перепутье, ср. перепутица, распутье, раздорожица, вернее перекресток, где один путь лежит поперек другого".

8. Лапин Н. И. (отв.ред.). Отчуждение, ранний социализм и противоречия перестройки (сб.) М., 1990.

9. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.

10. Чавчавадзе Н.З. Культура и ценности. Тбилиси, 1984.

11. Ядов В. А., Войнова В. Д., Козырева П. М. (ред.) Углубление социальной дезинтеграции в 1990 году как фактор противоречивого развития новых социальных структур и отношений в обществе // Информационные материалы по программе ОФП "Социальные процессы в условиях перестройки" Вып. 6. М., 1991.

12. Колбановский В. В. Социально-исторические типы: генезис, природа, тенденции развития // Ценности социальных групп и кризис общества / Отв. ред. Н. И. Лапин. М., 1991.

13. Поведенчески-мотивирующие ценности — такие, которые "здесь и теперь" мотивируют фактическое поведение людей, направляют его в определенные сферы социальной активности (не обязательно в классической, а скорее в современной типологии этих сфер: работа в государственной или кооперативной организации, или индивидуальная; работа с соблюдением правовых норм или допускающая криминальные элементы, или преимущественно незаконная; служба в учреждении или самовыражение в деятельности неформальных организаций и т.п.). На содержание этих ценностей влияют ценности более высокого уровня, формирующиеся на основе ожившего недавнего или далекого социального прошлого — в лице социально-исторических групп.

14. Социально-исторические группы — социальные группы с общей конкретно-исторической судьбой в годы Советской власти, т.е. на протяжении нескольких поколений. Как правило, они имеют дихотомическую структуру: активные субъекты административно-командной системы — пассивные объекты ее воздействия; служители советской или религиозной идеологии — ее реципиенты; национальное большинство — меньшинство (коренная — некоренная нации); потомственные интеллигенты — впервые приобщающиеся к интеллектуальному труду; коренные горожане — коренные селяне и т.д.

15. Ядов В. А., Войнова В. Д., Козырева П.М. (ред.). Указ.раб.